

Школьное обучение коренных малочисленных народов Севера: между сохранением культуры и качеством образования

О. В. Васильева, В. Е. Охлопков

Статья поступила
в редакцию в июне
2021 г.

Васильева Ольга Валерьевна — кандидат политических наук, руководитель Центра этносоциологических исследований, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. E-mail: ovasileva.igi@mail.ru (контактное лицо для переписки)
Охлопков Василий Егорович — доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, директор Обособленного подразделения АО «ВЦИОМ» в г. Якутске. E-mail: suottu@gmail.com

Адрес: 677027, Якутск, ул. Петровского, 1.

Аннотация

Многие этнические меньшинства в настоящее время относят к категории культур бедности. Одним из основных инструментов восходящей социальной мобильности для представителей этнических меньшинств может быть образование. В статье рассматриваются характеристики системы школьного образования коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия), а также образовательные траектории, предпочитаемые молодежью из числа представителей коренных народов, и роль, которую играют в формировании ее выбора национальная образовательная политика и этнический компонент в образовании.

Эмпирической базой исследования послужили данные социологического опроса, проведенного среди молодежи в местах компактного расселения коренных малочисленных народов Севера, и результаты Единого государственного экзамена в Республике Саха (Якутия). На основании анализа программных документов в области развития образования для коренных малочисленных народов Севера авторы приходят к выводу, что, несмотря на широкое обсуждение проблем преподавания родного языка, а также организации кочевых школ, подходы к их решению весьма формальные. При этом проблемам стационарных школ, расположенных в местах компактного проживания коренных малочисленных народов Севера, не уделяется должного внимания, что негативным образом сказывается на стартовых возможностях детей и формировании их образовательных стратегий. Среди молодежи в возрастной категории до 19 лет заметно снижение заинтересованности в высшем образовании. В условиях пандемии COVID-19 уровень неравенства в образовании в Республике Саха (Якутия) только возрос. Возможности социальной мобильности для коренных малочисленных народов Севера оказываются связанными с доступностью интернета, и отставание сельских поселений, в которых проживают представители коренных народов, в цифровизации образования от республиканских и общероссийских показателей

детерминирует негативный прогноз социального благополучия для данной категории населения.

Ключевые слова социальное неравенство, этнокультурное образование, среднее образование, коренные малочисленные народы Севера, этнические меньшинства, школа, цифровизация, социальная структура, социальная мобильность.

Для цитирования Васильева О. В., Охлопков В. Е. (2021) Школьное обучение коренных малочисленных народов Севера: между сохранением культуры и качеством образования // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. № 4. С. 285–310. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-4-285-310>

School Education for the Indigenous Small-Numbered Peoples of the North: Between Cultural Preservation and Educational Quality

O. V. Vasileva, V. E. Okhlopkov

Olga V. Vasileva, Candidate of Political Sciences, Head of the Sociology of Race and Ethnicity Center, Senior Research Fellow, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: ovasileva.igi@mail.ru (corresponding author)

Vasilii E. Okhlopkov, Doctor of Sciences in Sociology, Senior Research Fellow, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Director of the Autonomous Subdivision of the Russian Public Opinion Research Center in Yakutsk. E-mail: suottu@gmail.com

Address: 1 Petrovskogo Str., 677027 Yakutsk, Russian Federation.

Abstract Today, many ethnic minorities belong to the so-called “culture of poverty”, and education can be a major vehicle of upward social mobility for such groups. This article explores the characteristics of school education in the indigenous small-numbered peoples of the North living in the Sakha Republic (Yakutia) of Russia, the educational trajectories pursued by indigenous youths, and how their preferences are influenced by national education policy and the ethnic component of education.

Data from a sociological survey of youth in areas of compact settlement of the indigenous peoples of the North and Unified State Exam (USE) scores served as the empirical basis of this study. Analysis of indigenous education policy documents allows making an inference that, even though the problems of teaching indigenous languages and setting up nomadic schools have been widely discussed, approaches to solving them are rather formalistic. At the same time, little attention is paid to problems experienced by stationary schools located in areas of compact settlement of the indigenous peoples of the North, which has negative effects on children’s starting opportunities and the development of their educational strategies. Interest in higher education has been noticeably decreasing among young people aged under 19, and educational inequality in the Sakha Republic (Yakutia) has been exacerbated by the COVID-19 pandemic. For the indigenous small-numbered peoples of the North, social mobility opportunities hinge upon Internet access, so low levels of education digitalization in localities inhabited by indigenous peoples (compared to regional and national levels) predict a negative scenario for social wellbeing of this category of population.

Keywords digitalization, ethnic minorities, ethnocultural education, indigenous small-numbered peoples of the North, school, secondary education, social inequality, social mobility, social structure.

For citing Vasileva O. V., Okhlopkov V. E. (2021) Shkol'noe obuchenie korennykh malochislennykh narodov Severa: mezhdru sokhraneniem kul'tury i kachestvom obrazovaniya [School Education for the Indigenous Small-Numbered Peoples of the North: Between Cultural Preservation and Educational Quality]. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 4, pp. 285–310. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-4-285-310>

От интеллектуального потенциала страны во многом зависит ее развитие, поэтому государственные органы сегодня тщательно отслеживают состояние системы образования, в частности создание условий для получения качественного образования населением арктических территорий. Однако организация обучения такой категории населения, как представители коренных малочисленных народов Сибири и Севера (КМНС), редко становится темой предметного обсуждения. При этом именно для них образование чрезвычайно важно — как с точки зрения индивидуальной образовательной и трудовой траектории каждого представителя КМНС, так и в отношении социально-экономического развития территорий. Система образования отвечает, с одной стороны, за интеграцию подрастающего поколения в современное российское общество, а с другой — за сохранение исконной культуры коренных народов Сибири и Севера.

В данной статье опыт решения этих задач и влияние организации обучения на образовательные траектории и жизненные перспективы представителей коренных малочисленных народов Севера рассматривается на примере Республики Саха (Якутия) — региона, в котором помимо доминирующих этнических групп (якутов и русских) проживают пять этнических групп, относящихся к коренным малочисленным народам Севера: эвенки, эвены, долганы, юкагиры, чукчи.

Этническое образование в современном мире

Одно из наиболее разработанных направлений исследования связи этничности и образования за рубежом — оценка неравенства в доступе к различным видам образования у представителей тех или иных этнических групп и рас, а также влияния принадлежности индивида к определенной этнической, национальной или расовой категории на его образовательные и карьерные возможности [Троуна, Rizvi, 1997; Gillborn, 1995]. В данных работах выявляются, с одной стороны, доказательства наличия дискриминации по расовым и культурным признакам [Mickelson, 2003], с другой — ошутимое влияние расы

и этноса на образовательный уровень и карьерные возможности в силу принадлежности тех или иных расовых и этнических групп к определенным социальным слоям. Релевантное объяснение данного феномена предлагают Э. Балибар и И. Валлерстайн: согласно их неомарксистской исследовательской позиции такие категории, как раса, нация, этническая группа, были сконструированы и внедрены в сознание людей для обеспечения эффективного функционирования осевого разделения труда в рамках капиталистической мировой системы и направлены на то, чтобы поддерживать неравенство населения [Балибар, Валлерстайн, 2004]. При этом со временем происходит трансформация расизма, и в современном мире расизация основывается на культурных различиях [Малахов, 2007]. Роль культурно-образовательных различий между разными слоями общества в формировании неравенства возможностей в образовании подчеркивается и в теории культурного воспроизводства [Бурдье, Пассрон, 2007].

Этническое образование можно рассматривать с двух точек зрения — интеграционистской и сепарационной. В первом случае этничность выступает препятствием для образовательного процесса и для построения индивидуальных жизненных стратегий в силу порождаемого ею неравенства [Тишков, 2003]. В качестве примера обычно приводят так называемые культуры бедности — этнокультурные анклавы, обитатели которых в силу исторических причин отстают по уровню жизни от основной массы граждан. Национальные движения в среде этнических меньшинств часто принимают форму культивирования отсталости (например, в форме сокращения или даже прекращения обучения в школе государственному языку), которая выдается за национальную самобытность. Молодежь этнических анклавов оказывается в определенной степени «выключенной» из современной системы начального и среднего образования [Ключарев и др., 2014].

Согласно сепарационной точке зрения на этническое образование этничность — ценность, которую ее носители хотели бы сохранить, и школа должна подстроиться под их запросы. Эта позиция характерна для критиков колониализма и его последствий для коренных народов, которые считают, в частности, что европоцентристские модели научного знания, утверждаемые через систему образования, обесценивают и отвергают системы знаний коренных народов и не признают роль их верований и практик в построении и приобретении знаний [Brayboy et al., 2012].

Этнокультурная ситуация в России довольно сильно отличается от той, что сложилась в Европе и Америке. Коренные народы в России в основном интегрированы в социальную среду

доминирующего общества, этнографы отмечают, что в настоящее время лишь отдельные семьи ведут обособленный образ жизни без контакта с культурным полем [Соколовский, 2008]. Тем не менее исследователи фиксируют различия в достигаемом образовательном уровне и в динамике данного показателя у представителей разных этнических общностей [Дробижева, 2002. С. 103], притом что существенной разницы в академической успешности школьников, различающихся по этнической принадлежности, не обнаруживается [Тенишева, Александров, 2016].

Образование остается наиболее распространенным каналом социального роста в России, и культурные установки на его приобретение, а также социально-экономическое положение этнических групп оказываются весомыми факторами дифференциации населения.

В исследованиях систем образования коренных малочисленных народов Севера организация школьного обучения отдельных этнических групп увязывается с возможностями ревитализации и сохранения этнической культуры [Жожилов, 2017; Пименова, 2012; Мартынова, 2012]. Школьное образование признается одним из наиболее действенных инструментов социального конструирования этнической идентичности, и поэтому на повестку дня выдвигается задача формирования национальных (этнических) моделей образования. Применительно к коренным малочисленным народам Севера речь идет о развитии кочевых образовательных организаций, поскольку именно они призваны внести вклад в дело сохранения традиционного уклада жизни северных этносов. Формы и содержание этнокультурного образования имеют свою специфику [Неустроев, 1999; Матис, 1999; Борисов, 1998; Роббек, 1995].

Формируя образовательную траекторию, родители и школьники из числа представителей КМНС встают перед выбором: что предпочесть — качество образования или реализацию этнокультурного компонента [Маркин, Силин, Воронов, 2019; Рудаков, 2021; Боргояков, 2016]. При этом значительная доля населения из числа КМНС не заинтересована в этнокультурном образовании [Рудаков, 2021. С. 83].

В настоящее время тема этнокультурного образования в национальных регионах не потеряла своей актуальности [Винокурова, 2020], а его значение для выстраивания образовательных траекторий молодежи еще исследовано не в полной мере.

Данные В статье анализируются программные документы региональных органов власти в области этнокультурного образования, статистические данные, раскрывающие социально-экономические

и демографические характеристики населения, относящегося к КМНС. Рассматриваются результаты Единого государственного экзамена в поселениях Республики Саха (Якутия), входящих в перечень мест компактного проживания КМНС.

Привлекаются данные социологического исследования, проведенного в марте-апреле 2021 г. в Республике Саха (Якутия) среди молодежи, представляющей коренное население ($n = 261$), в целях реализации проекта «Ресурсы идентичности, языка и культуры коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия): современное состояние, локальный и глобальный контекст трансформаций»¹.

Социально-демографическое положение КМНС в Республике Саха (Якутия)

Среди представителей КМНС в Якутии по численности преобладают сельские жители — 70,8%². В административно-территориальном отношении к местам традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМНС относится 71 сельский населенный пункт 21 улуса (района)³. Часто это наиболее труднодоступные и отдаленные от регионального центра поселения, не имеющие круглогодичного автотранспортного сообщения. На 1 января 2018 г. в этих населенных пунктах проживали 42,1 тыс. человек, или 4,4% населения Якутии, и большинство среди них составляли представители КМНС [Игнатьева, 2020. С. 109]. Городское население из числа КМНС концентрируется преимущественно в столице республики, Якутске.

По данным экономистов, в Якутии проживание в сельской местности в 4 раза повышает вероятность попадания в социальную категорию бедного населения, что напрямую связано с отсутствием работы [Попова, 2020]. Поскольку 70% представителей КМНС проживают в сельской местности, причем, как правило, в наиболее отдаленных и труднодоступных селах, логично предположить, что бедных среди них будет больше, чем в других, более урбанизированных, этнических группах населения. По данным переписи 2010 г., 83,9% представителей КМНС в возрасте от 15 до 72 лет были заняты в экономике, что ниже средне-

¹ Грант Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН по Программе фундаментальных и прикладных научных исследований.

² Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) на период до 2035 г. <https://arktika.sakha.gov.ru/dokumenty/normativnye-pravovye-akty/normativno-pravovye-akty-v-oblasti-razvitija-arkticheskikh-i-severnyh-territorij>

³ Закон Республики Саха (Якутия) от 11 апреля 2000 г. № 3 N167-II «О перечне коренных малочисленных народов Севера и местностей (территорий) их компактного проживания в Республике Саха (Якутия)».

го показателя по республике (96,2%)⁴. По данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия), в 2020 г. к категории малоимущих в Якутии относились 169,2 тыс. человек, или 17,4% общей численности населения. При этом 45% из них составляли дети и подростки в возрасте от 7 до 16 лет⁵.

Помимо отсутствия работы в сельской местности фактором бедности у КМНС является многодетность. По данным переписи 2010 г., представители КМНС в возрасте от 0 до 19 лет составляют в сельской местности от 40,6 до 47,2% численности населения⁶.

Исследователи высказывают мнение, что бедность среди представителей КМНС провоцируется отчасти тем, что они заняты преимущественно в традиционных видах хозяйственной деятельности [Гаврильева и др., 2019. С. 44], не требующих высокого уровня квалификации, однако по показателю среднесписочной численности работников организаций по видам экономической деятельности в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации на территории Республики Саха (Якутия) видно, что в сельском, лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве заняты только 12,6% всех работников (1687 человек).

Тем не менее среди представителей КМНС больше, чем в других этнических группах, лиц с высокими показателями уровня бедности и сравнительно низким уровнем образования. По данным переписей населения, у коренных народов Севера фиксируется в целом более низкий уровень образования, чем у представителей других этнических групп, проживающих в Якутии. В 2010 г. профессиональное образование имели 46,4% представителей КМНС (для сравнения: профессиональное образование имеют 63% саха, 66% русских). Уровень образования различается не только у принадлежащих к разным этносам, но и в зависимости от типа поселения — город или село. Так, в 2010 г. среди сельских представителей КМНС профессиональное образование имели 19490 человек, что составляет лишь 41% всего сельского населения, в том числе 43,4% эвенков, 42,3% долган, 38,1% эвенов, 34,7% юкагиров, 28,3% чукчей [Васильева, 2020. С. 151].

⁴ Население частных домохозяйств коренных малочисленных народов Российской Федерации в возрасте 15–72 лет по территориям преимущественного проживания и экономической активности // Официальный сайт Росстата: итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-33.pdf

⁵ Уровень бедности в Республике Саха (Якутия). Статистический бюллетень № 104/208. Якутск: ТО ФСГС по РС(Я), 2020. С. 31.

⁶ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

Таким образом, коренные малочисленные народы Севера в основном интегрированы в социокультурное поле России, лишь малая часть из них все еще ведет традиционный образ жизни. В то же время среди представителей КМНС выше, чем среди других этнических общностей, частота случаев социально-экономического неблагополучия. В современной России бедность часто закрепляется в следующих друг за другом поколениях одной семьи [Ярошенко, 2010], а социальный статус родительской семьи напрямую коррелирует с академической успеваемостью молодых людей [Ибрагимова, Франц, 2021], поэтому из представленного здесь современного социально-демографического портрета КМНС приходится сделать пессимистические выводы относительно их социально-экономических перспектив.

Один из наиболее эффективных средств борьбы с экономическим неравенством, по данным современных исследований, — это повышение уровня квалификации наименее квалифицированных групп населения [Maskin, 2015]. Данная статья посвящена образованию представителей КМНС на этапе школы, так как именно школа во многом определяет стартовые условия дальнейшей социальной мобильности детей, кроме того, именно школьное образование сохраняет этнокультурный компонент. Мы предполагаем оценить, насколько политика в области школьного образования удовлетворяет потребности коренных малочисленных народов Севера в качественном образовании, и установить, каким образом выстраиваются образовательные траектории молодежи из числа КМНС.

**Система
образования
Республики Саха
(Якутия)**

Система общего среднего образования в Республике Саха (Якутия) представлена 642 школами, из них 7 школ вечерней формы обучения, 27 интернатов, 102 школы, имеющие интернат⁷, 207 малокомплектных школ⁸. Общая численность учащихся в общеобразовательных организациях всех типов составляла в 2020/21 учебном году 145,1 тыс. Абсолютное большинство, 144,1 тыс. учащихся, обучались в дневных общеобразовательных организациях. По данным статистики, в государственных и муниципальных дневных общеобразовательных школах Яку-

⁷ Сведения по форме Федерального статистического наблюдения № 00-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» по Республике Саха (Якутия) на начало 2020/21 учебного года.

⁸ Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 27 августа 2015 г. № 314 «Об утверждении перечня малокомплектных образовательных организаций в Республике Саха (Якутия)».

тии работают 14348 учителей, 86% из них имеют высшее образование (в сельской местности — 81%, в городской — 90,1%).

В 61,2% сельских школ Якутии в 2019 г. не было канализации, в 67,6% школ — водопровода, в 20,3% — центрального отопления, 72,2% школ находились в деревянных зданиях, 27,6% зданий требовали капитального ремонта⁹. Деревянные здания быстрее ветшают, отличаются повышенной пожароопасностью, имеют серьезные ограничения в развитии цифровой инфраструктуры [Заир-Бек, Мерцалова, Анчиков, 2020]. По указанным показателям ситуация в Якутии одна из самых неблагоприятных в Российской Федерации.

В Якутии происходит отток квалифицированного населения из сельской местности в города, что при дисперсном расселении обуславливает дефицит педагогических кадров во многих школах сельской местности. Наибольшее сокращение учителей за период с 2010 по 2019 г. наблюдается в следующих районах: Аллаиховском (на 42,5%), Верхнеколымском (32,3%), Усть-Янском (25%), Олекминском (17,45%), Усть-Майском (17,45%), Абыйском (13,75), Булунском (13,4%)¹⁰. Во всех этих районах проживают коренные малочисленные народы Севера. Безусловно, отмеченная тенденция является частью протекающих уже в течение трех десятилетий центростремительных миграционных процессов, благодаря которым в настоящее время треть населения Якутии сконцентрирована в столице.

Цифровизация системы образования в Якутии затрудняется значительной протяженностью территории и дисперсным расположением на ней населенных пунктов. По данным республиканских властей, волоконно-оптическими линиями связи охвачено 86,1% населения. 454 организации подключены к интернету, но не везде скорость интернет-связи отвечает современным требованиям. Скорость доступа к интернету выше 1 Мб/с обеспечена в 47% организаций¹¹. Арктические улусы, где проживают лишь 6,9% населения республики и где расположено значительное число мест компактного расселения КМНС, в настоящее время вообще почти не охвачены волоконно-оптиче-

⁹ Сводные отчеты по форме № ОО-2 «Сведения о материально-технической и информационной базе, финансово-экономической деятельности общеобразовательной организации по Российской Федерации, а также по субъектам Российской Федерации за 2019 г.» .

¹⁰ Рассчитано по: Деятельность организаций общего образования детей в Республике Саха (Якутия): стат. сб. ТО ФСГС по Республике Саха (Якутия). Якутск, 2020. С. 30.

¹¹ Сводные отчеты по форме № ОО-2 «Сведения о материально-технической и информационной базе, финансово-экономической деятельности общеобразовательной организации по Российской Федерации, а также по субъектам Российской Федерации за 2019 г.».

скими линиями связи. В частности, в программных документах по развитию Арктической зоны отмечено, что жители 13 арктических районов имеют доступ к сотовой связи стандарта 2G, которая предназначена только для передачи голосовой информации и SMS-сообщений; доступ в интернет осуществляется через каналы спутниковой связи¹².

Цифровизация образования в Якутии сосредоточена в первую очередь на обеспечении мониторинга качества образования, организации приемной кампании в школах и дошкольных учреждениях, аттестации педагогов, предоставлении информационно-консультационных услуг. К примеру, система «Е-услуги. Образование» предназначена для ведения учета детей дошкольного возраста, стоящих в очереди на зачисление в дошкольные образовательные организации, а также для организации электронной подачи заявлений в общеобразовательные организации, загородные оздоровительные лагеря и учреждения среднего профессионального образования. Основная цель портала образовательных услуг определяется как осуществление максимального доступа к государственным и муниципальным услугам для всех граждан при обеспечении полной защиты персональных данных в целях реализации Федерального закона Российской Федерации № 152-ФЗ «О персональных данных» и Федерального закона Российской Федерации № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Таким образом, показатели развития системы образования в сельской местности Якутии существенно отстают как от республиканских, так и от общероссийских, тем самым создаются условия для воспроизводства социального неравенства среди населения.

Особенности образовательной политики в отношении коренных малочисленных народов

Специфическими и наиболее значимыми проблемами в образовании для коренных малочисленных народов являются изучение родного языка и организации обучения в условиях кочевья. В настоящее время в Республике Саха (Якутия) реализуются три модели языкового образования.

1. У учащихся, для которых русский является родным (первым) языком, весь период школьного образования обучение ведется на родном (русском) языке.

¹² Стратегия социально-экономического развития Арктической зоны Республики Саха (Якутия) до 2035 г. <https://minimush.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3205069>

Таблица 1. Численность детей в Якутии по языку обучения (человек)

	Учебный год				
	2016/2017	2017/2018	2018/2019	2019/2020	2020/2021
Долганский язык	—	—	—	—	—
Чукотский язык	—	—	—	—	—
Эвенский язык	135	195	—	160	164
Эвенкийский язык	66	143	98	117	98
Юкагирский язык	23	—	—	28	27
Якутский язык	55 530	55 706	52 168	51 035	51 688

Источник: Отчеты по форме Федерального статистического наблюдения № 00-1 «Сведения об образовательной организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» по Республике Саха (Якутия) в период с 2016 по 2021 учебные года. https://edu.gov.ru/activity/statistics/general_edu

- Обучение на родном (нерусском) языке с 1-го по 4-й, или по 7-й, или по 9-й класс (в зависимости от социокультурной ситуации и педагогической традиции общеобразовательной организации) с последующим переходом на русский язык с 5-го, 8-го или 10-го класса. В 10–11-х классах обучение осуществляется на русском языке. Модель действует преимущественно в общеобразовательных учреждениях с якутским языком обучения, расположенных в сельских населенных пунктах и г. Якутске.
- Обучение ведется на русском языке, а изучение родного языка организуется в качестве одного из учебных предметов.

Дети КМНС изучают родной язык чаще всего как учебный предмет либо как факультатив. Численность детей, которые обучаются на языках коренных малочисленных народов Севера, невелика (табл. 1). Языки коренных малочисленных народов изучаются в 49 школах — как кочевых, так и стационарных (табл. 2)¹³.

В рамках республиканской государственной программы «Сохранение и развитие государственных и официальных языков Республики Саха (Якутия) на 2020–2024 гг.» планируется рост доли детей, изучающих родные языки коренных малочисленных народов Севера, с 1,17% общего числа обучающихся в 2020 г.

¹³ Доклад о деятельности уполномоченного по правам коренных малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия) за 2019 г. <https://iu-upkm.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3205611>

Таблица 2. Численность детей, изучающих родной язык как самостоятельный предмет, в государственных образовательных учреждениях Республики Саха (Якутия) (человек)

	Учебный год				
	2016/2017	2017/2018	2018/2019	2019/2020	2020/2021
Долганский язык	95	115	137	0	0
Чукотский язык	51	59	51	2	2
Эвенский язык	608	375	755	717	332
Эвенкийский язык	677	562	713	745	277
Юкагирский язык	94	85	83	40	41
Якутский язык	19720	25674	30253	28528	30255
Факультативно или в кружках (без указания языка)	1567	1923	2337	2095	1388

Источник: Отчеты по форме Федерального статистического наблюдения № 00-1 «Сведения об образовательной организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» по Республике Саха (Якутия) в период с 2016 по 2021 учебные года. https://edu.gov.ru/activity/statistics/general_edu/

до 2,1% в 2024 г. Однако, учитывая ежегодные колебания численности учащихся, такой рост может не выйти за рамки статистической погрешности.

Организация изучения языков коренных малочисленных народов осложняется тем, что в федеральный перечень программ и учебников, рекомендуемых к использованию и при реализации обязанных получить государственную аккредитацию, включены примерные программы только по предметам «якутский язык», «якутская литература», завершённые линии учебников имеются только по якутскому языку и литературе. Во ФГОС отсутствуют экзаменационные требования по родным языкам коренных малочисленных народов, для их формирования необходимо разработать стандарты преподавания государственных языков субъектов РФ.

Помимо изучения родных языков особенностью политики постсоветского периода в сфере образования коренных малочисленных народов Севера стало создание сети кочевых школ. Первые опыты их организации имели место еще в советское время. Однако постепенно по мере перехода народов Севера на оседлый образ жизни кочевые школы были закрыты и по-

всеместно открылись стационарные школы и интернаты в местах их компактного проживания.

Второе рождение кочевых школ относится к 90-м годам XX в. Открылись кочевая школа «Куенэлэкэн» в Оленекском районе (1990 г.), школа № 38 при родовой общине «Угут» в Алданском районе (1992 г.), школа № 39 при родовой общине «Амма» (1992 г.), Улахан-Кюельская школа в Анабарском районе (1995 г.), эвенская кочевая школа в Кобяйском районе (2002 г.), кочевая школа в Верхоянском районе (2004 г.), школа при родовой общине «Нутендли» в Нижнеколымском районе (2004 г.), школы при общине «Уродан» в Среднеколымском районе (2004 г.) и при общине «Черода» в Олекминском районе (2004 г.) [Роббек, 2011. С. 546].

Обучение в местах традиционного природопользования и традиционной хозяйственной деятельности КМНС и в базовых¹⁴ школах ведется по индивидуальным учебным графикам и учебным планам в соответствии с Законом Республики Саха (Якутия) от 22 июля 2008 г. «О кочевых школах Республики Саха (Якутия)»¹⁵. В настоящее время кочевые школы действуют в семи улусах республики, в них обучаются 103 ребенка (в 2017 г. — 147 детей), в том числе 35 детей дошкольного возраста (в 2017 г. — 45)¹⁶. Кочевые школы обеспечивают обучение на начальной и средней ступени образования. Лидеры этнических движений коренных малочисленных народов Севера считают, что теоретически кочевая школа могла бы давать полное общее образование, но по причине малой и сокращающейся в перспективе численности учащихся вряд ли сможет такую возможность реализовать. По их мнению, сокращение контингента учащихся кочевых школ обусловлено снижением поголовья оленьих стад и в целом затуханием отрасли оленеводства в республике. И действительно, в Ямало-Ненецком автономном округе, где содержится большая часть поголовья домашних оленей России, более 80% учащихся из числа КМНС обучаются в кочевых школах.

Однако опыт Ямало-Ненецкого округа, в котором кочевое образование получило более широкое распространение, нельзя назвать полностью позитивным. Предполагалось, что кочевое образование будет так же эффективно, как и полученное в условиях обычной общеобразовательной школы, но, как показывают результаты исследований, педагоги находят аргумен-

¹⁴ Базовая школа — общеобразовательная школа, к которой прикреплена кочевая школа или кочевой класс-комплект.

¹⁵ <http://docs.cntd.ru/document/445029377>

¹⁶ Отчет об итогах деятельности Министерства образования и науки Республики Саха (Якутия) в 2020 г. и задачах на 2021 г. Якутск, 2021.

ты против кочевой школы как способа получения начального и среднего образования. По мнению педагогов, воспитанники кочевых школ испытывают при сдаче экзаменов в школе более существенные трудности, чем ученики школ-интернатов, и сталкиваются с проблемами в процессе адаптации в социуме. Таким образом, некоторые педагоги базовых школ полагают, что по успешности обучения кочевая школа проигрывает обычной школе и интернату [Любимова, Семенов, 2017].

В Якутии в кочевых школах обучается лишь малая часть детей КМНС, однако именно им уделяется преимущественное внимание. Деятельность стационарных школ и интернатов, в которых учатся дети КМНС, гораздо реже рассматривается в научной литературе, этим учреждениям оказывается меньше поддержки на государственном уровне. Так, среди 72 стационарных школ в поселениях, которые входят в список мест компактного проживания КМНС, 11 классов можно окончить только в 55 школах. Остальные дают только начальное и неполное среднее образование, их выпускники, если планируют продолжить обучение, должны переехать в районный центр и жить в интернате.

**Результаты
ЕГЭ и желаемый
уровень
образования
у представите-
лей КМНС**

Чтобы оценить эффективность образовательной деятельности школ, расположенных в местах компактного проживания КМНС, и конкурентоспособность их выпускников, рассмотрим результаты Единого государственного экзамена по русскому языку (табл. 3).

В школах, которые располагаются в местах компактного проживания КМНС, число учеников, сдающих экзамены, невелико: в среднем 8 человек на школу. Чем меньше выпускников, тем выше влияние случайных факторов, тем больше разброс баллов. Тем не менее средний балл по русскому языку в этих школах устойчиво ниже среднереспубликанского на 3–5 баллов и на 13–15 баллов ниже, чем в среднем по России (табл. 4). По математике средний балл ниже общероссийского на 9–11 баллов (табл. 5).

Результаты ЕГЭ свидетельствуют, что выпускники школ, которые располагаются в местах компактного проживания КМНС, имеют сравнительно слабые перспективы продолжения образования — получения профессии, поступления в вуз, а значит, и повышения качества жизни. Эти школы не создают основу для использования образования как канала восходящей социальной мобильности и улучшения социально-экономического положения коренных малочисленных народов Севера.

Неравенство коренных малочисленных народов Севера в области образования зачастую рассматривалось как следствие их предрасположенности к традиционному хозяйству

Таблица 3. Результаты ЕГЭ по русскому языку в местах компактного проживания коренных малочисленных народов в Республике Саха (Якутия) (средний балл)

	Район	Село	2016 г.	2017 г.
1	Абыйский	Кубергене	51,9	58,6
2	Алданский	Хатыстыр	60,4	61,1
3	Алданский	Кутана	47,8	54,5
4	Алданский	Угоян	48,8	47,2
5	Аллаиховский	Оленегорская	46,0	52,0
6	Аллаиховский	Нычалах	—	—
7	Аллаиховский	Чкалов	—	—
8	Аллаиховский	Русское устье	—	—
9	Аллаиховский	Ойотунг	—	—
10	Анабарский	Саскылах, Саскылахская СОШ	55,3	50,7
11	Анабарский	Саскылах, Анабарская улусная гимназия	67,3	65,4
12	Анабарский	Юрюнг-Хая	47,6	51,9
13	Булунский	Кюсюр	47,7	50,7
14	Булунский	Намы	26,0	40,6
15	Булунский	Найба	51,9	56,0
16	Булунский	Таймылыр	51,2	53,8
17	Булунский	Сиктях	—	—
18	Булунский	Быковский	35,2	56,5
19	Булунский	Усть-Оленек	—	—
20	Верхнеколымский	Нелемное	54,4	54,3
21	Верхнеколымский	Утая	—	—
22	Верхнеколымский	Верхнеколымск	—	—
23	Верхнеколымский	Усун-Кюель	43,0	—
24	Жиганский	Жиганск	57,7	62,5
25	Жиганский	Кыстатыам	44,0	49,0
26	Жиганский	Бахынай	—	—
27	Жиганский	Бестях	—	—
28	Кобяйский	Себян-Кюель	50,4	49,7
29	Кобяйский	Сегян-Кюель	57,2	51,9
30	Мирнинский	Сюльдюкар	61,0	49,5
31	Момский	Сасыр	42,8	35,8

	Район	Село	2016 г.	2017 г.
32	Момский	Кулун-Ельбют	61,7	54,5
33	Момский	Чумпу-Кытыл	54,5	74,0
34	Момский	Буор-Сысы	49,5	49,5
35	Момский	Хонуу	53,2	62,8
36	Момский	Соболох	62,8	58,0
37	Нерюнгринский	Иенгра	53,0	55,5
38	Нерюнгринский	Экспериментальная школа-интернат «Арктика»	57,4	60,1
39	Нижнеколымский	Колымское	50,3	59,0
40	Нижнеколымский	Походск	45,0	—
41	Нижнеколымский	Андрюшкино	48,0	44,4
42	Олекминский	Токко	57,7	57,8
43	Олекминский	Тяня	51,0	81,0
44	Олекминский	Бясь-Куель	—	—
45	Олекминский	Кунду-Куель	—	—
46	Олекминский	Уолбут	—	—
47	Оймяконский	Томтор	59,4	60,7
48	Оймяконский	Орто-Балаган	37,0	56,5
49	Оймяконский	Ючюгей	51,3	56,3
50	Оленекский	Оленек	54,1	55,1
51	Оленекский	Харыйалах	37,7	42,4
52	Оленекский	Жилинда	48,9	43,8
53	Оленекский	Эйик	43,3	53,3
54	Среднеколымский	Березовка	56,0	69,7
55	Среднеколымский	Уродан	—	—
56	Томпонский	Тополиное	58,0	47,9
57	Усть-Майский	Кюпцы	54,0	47,0
58	Усть-Майский	Эжанцы	55,3	56,0
59	Усть-Майский	Петропавловск	58,0	70,4
60	Усть-Майский	Троицк	—	—
61	Усть-Майский	Тумул	—	—
62	Усть-Янский	Хайыр	54,1	62,7
63	Усть-Янский	Тумат	61,5	53,4
64	Усть-Янский	Силляняхская	41,6	39,7

	Район	Село	2016 г.	2017 г.
65	Усть-Янский	Казачье	54,2	49,3
66	Усть-Янский	Усть-Янск	50,3	56,3
67	Усть-Янский	Уянди	—	—
68	Усть-Янский	Юкагир	—	—
69	Эвено-Бытантайский	Кустур	48,8	57,2
70	Эвено-Бытантайский	Джаргалах	43,0	47,0
71	Эвено-Бытантайский	Батагай-Алыта	56,0	54,9
72	Верхоянский	Улахан-Кюель	50,7	51,8

Таблица 4. Средний балл ЕГЭ по русскому языку

Средний балл	2016 г.	2017 г.
По местам компактного проживания КМНС	51,2	54,6
По Республике Саха (Якутия)	54,6	59,5
По России	64,3	69,1

Таблица 5. Средний балл ЕГЭ по математике (проф.)

Средний балл	2016 г.	2017 г.
По местам компактного проживания КМНС	35,4	38,5
По Республике Саха (Якутия)	42,2	41,3
По России	46,3	47,1

ванию и довольно низкого уровня образовательных притязаний. Самые свежие данные о желаемом уровне образования у молодежи, представляющей коренное население, о ее отношении к необходимости этнокультурного образования, языковым компетенциям, значимости этнической идентичности дает исследование, проведенное в марте-апреле 2021 г. в Республике Саха (Якутия).

Исследование представляло собой формализованный опрос в селах, входящих в список мест компактного проживания коренных малочисленных народов Севера и расположенных в семи районах Якутии: Булунском, Верхнеколымском, Верхоянском, Мирнинском, Момском, Усть-Янском, Эвено-Бытантайском. Все респонденты ($n = 261$) являлись носителями этнической идентичности коренных малочисленных народов Севера — эвенками, эвенками, юкагирами — или представителями этнически смешанных семей с биэтнической идентичностью.

Для опроса создана квотная половозрастная выборка. К участию в исследовании привлекались представители КМНС в возрасте от 14 до 40 лет, разделенные на две возрастные категории: школьники в возрасте от 14 до 19 лет (51,7%) и старшая возрастная группа от 20 до 40 лет (48,3%). Выбор этих двух возрастных категорий обусловлен интересом к разнице суждений современных школьников и людей, выстраивавших свою образовательную траекторию в постсоветское время. Мужчины составляют 44,1% выборки.

Первичные данные обработаны с помощью программного обеспечения SPSS, результаты представлены в виде описательной статистики; для углубленного анализа использован метод аналитической статистики — критерий значимости χ^2 .

Вопрос об образовательных притязаниях сформулирован так: «Какой уровень образования вы считаете достаточным для себя?». Ответы распределились следующим образом: 13% — общее среднее, 36% — среднее профессиональное, 48,7% — высшее образование. Еще 2,3% опрошенных заявили, что считают для себя достаточным только уровень послевузовского образования (аспирантура).

Вопреки нашему предположению, что школьникам свойственны завышенные ожидания, образовательные притязания в младшей группе респондентов оказались ниже, чем в старшей. Школьники чаще выбирали для себя в качестве достаточного уровень среднего профессионального образования, а в возрастной группе «от 20 и старше» респонденты чаще высказывали мнение, что им необходимо получить образование не ниже магистратуры ($\chi^2 = 8,511, p < 0,075$).

Молодые женщины — представители КМНС чаще, чем мужчины, стремятся к более высокому уровню образования ($\chi^2 = 18,266, p < 0,019$), что соответствует общероссийскому тренду: в когортном панельном исследовании «Траектории в образовании и профессии» [Кондратенко, Кирюшина, Богданов, 2020] было показано, что и в России в целом девочки имеют более высокий уровень образовательных притязаний, чем мальчики.

Представители разных возрастных групп по-разному оценивают привлекательность профессий предков — оленеводов, охотников, рыболовов. 52,3% школьников отметили, что в селе в настоящее время это престижные и уважаемые профессии, 37,7% считают, что эти профессии были уважаемы в прошлом, а теперь утратили свою значимость, 10% полагают, что эти профессии мало кому нужны и не имеют перспектив. Среди респондентов в возрасте от 20 до 40 лет лишь 32,2% считают традиционные профессии престижными, 47,9% уверены, что они утратили свое значение, 19,8% считают их бесперспективными ($\chi^2 = 11,766, p < 0,008$).

Для ответа на вопрос «Как вы считаете, школьное образование для коренных малочисленных народов Севера должно быть с этнокультурным уклоном?» респонденты должны были выбрать один из двух вариантов: «Образование в школе должно быть стандартным, чтобы обеспечить большую конкурентоспособность учеников» или «Образование должно быть этнокультурным, направленным на сохранение языка и культуры, формирование этнической идентичности, хозяйственных навыков детей с одновременным освоением ими ценностей мировой культуры».

За этнокультурный уклон обучения КМНС высказались 47,1% опрошенных. При этом среди школьников 63,8% считают, что образование должно быть стандартным, а в старшей возрастной категории таких ответов существенно меньше — 40,3% ($\chi^2 = 14,079$, $p < 0,000$). Гендерных различий не выявлено ($\chi^2 = 1,336$, $p < 0,513$).

Школьники из сельской местности ориентированы в большей мере на получение среднего профессионального образования. Они чаще выражают мнение, что школьное образование должно быть стандартным. Те, кто ориентирован на получение высшего образования, чаще отмечали, что образование должно иметь этнокультурный уклон.

Чтобы оценить значимость для опрошенных их этнической идентичности, респондентам предлагалось выбрать из пары идеологем ту, которая точнее отражает их убеждения: «Для меня важнее личное благополучие и благополучие моей семьи, достижение моих личных целей и интересов» или «Для меня важнее интересы моего народа, главное — это сохранение культуры и традиций, защита прав моего народа, даже если это не совпадает с моими целями».

Личное благополучие и благополучие близких выбрали 80,7% опрошенных. Сохранению культуры и традиций, защите прав своего народа, даже если это не совпадает с личными целями, отдали предпочтение 19,2% респондентов. Среди школьников личное благополучие выбрали 89,7%, в возрастной категории от 20 до 40 лет — 70,4% ($\chi^2 = 13,399$, $p < 0,000$).

Среди тех, кто предпочел личное благополучие, 55,9% считают, что образование для КМНС должно быть стандартным. Среди тех, кто счел приоритетными интересы этнической группы, такого мнения придерживаются только 27,9%, а 72,1% считают, что образование должно быть этнокультурным ($\chi^2 = 10,842$, $p < 0,001$).

В ходе социологического опроса выяснилось, что только 3,4% опрошенных, проживающих в местах компактного расселения коренных малочисленных народов Севера, считают, что им доступна интернет-связь хорошего качества. 67,4% указали, что им доступна интернет-связь плохого качества. 29,1% не имеют доступа в интернет вообще.

**Эффективность
образовательной
политики
в отношении
КМНС**

Политика интеграции коренных малочисленных народов Севера в доминирующее общество возымела действие: современные сообщества коренных малочисленных народов Севера в социально-экономическом отношении радикально отличаются от тех, в которых преобладающим видом деятельности были традиционные способы природопользования. В то же время в рамках доминирующего российского общества коренные малочисленные народы Севера характеризуются социально-экономическим неблагополучием, основными причинами которого являются дисперсная система расселения и информационная оторванность.

Чем ниже уровень урбанизированности поселения, в котором подросток оканчивает школу, тем с меньшей вероятностью он получит высшее образование, так что сельские выпускники оказываются аутсайдерами в образовательной гонке [Константиновский, 2020, С. 215]. Перед выходцем из отдаленного села, желающим получить высшее образование, стоит множество барьеров: территориальный, экономический, социокультурный, информационный. Они действуют совместно, и каждый барьер обуславливает и усиливает влияние другого [Там же]. Однако этому объективному обстоятельству и способам снизить его влияние на образовательные траектории школьников в образовательной политике уделяется мало внимания.

Разработчики образовательной политики в отношении КМНС главным образом заняты потребностями населения, которое ведет кочевой образ жизни, и упускают из виду проблемы школьного обучения КМНС, проживающих в селах, в частности проблемы отдаленных стационарных школ и качества образования в них. Применительно к этой категории КМНС обсуждаются только способы сохранения традиционного образа жизни, при этом политика этноориентированного образования реализуется несколько формально.

Характер образовательных притязаний школьников — представителей КМНС вполне согласуется с общероссийской тенденцией к повышению в последнее десятилетие спроса на среднее профессиональное образование. По мнению исследователей, его растущая популярность — следствие взаимно усиливающих друг друга факторов со стороны системы образования, негативной экономической динамики и состояния рынка труда. Основным триггером растущего спроса на программы СПО выступает сжатие реальных доходов домохозяйств, что вкупе со снижением доступности высшего образования «выталкивает» школьников с невысоким социально-экономическим статусом из академического трека [Мальцева, Шабалин, 2021].

В Якутии, где квалифицированные кадры покидают сельские школы, где наличествует множество барьеров в образовании

(от территориальных до технологических), школьники испытывают давление социально-экономических факторов и ограничивают свои образовательные притязания. К тому же на достаточно узком для квалифицированных кадров рынке труда Якутии уже с 80-х годов XX в. далеко не все обладатели дипломов высших учебных заведений выполняют трудовые функции, соответствующие их образовательному уровню [Дробижева, 2002. С. 47], а в настоящее время найти работу по специальности стало еще труднее. В таких условиях традиционные профессии рассматриваются как привлекательные. В недавнем исследовании образовательных и профессиональных траекторий КМНС в Ямало-Ненецком автономном округе показано, что при наличии высшего образования заметно повышается привлекательность иных сфер деятельности, помимо традиционных промыслов [Маркин, Силин, Воронов, 2019].

Большие надежды на преодоление территориальных барьеров в образовании возлагались на информационные технологии. Однако в большинстве школ Арктики скорость интернета настолько низкая, что нет возможности использовать дополнительные материалы из Сети или площадки для дистанционного образования (*Zoom, Google Meet* и т. п.).

Введенные в период распространения коронавирусной инфекции карантинные меры перенесли часть ответственности в образовании, в частности за доступ к интернету, на плечи населения. Проведенный опрос показал, что лишь 3,4% респондентов из числа КМНС имеют доступ к интернет-связи хорошего качества, так что в условиях пандемии дистанционное образование было подменено самообразованием. Такая организация образовательного процесса приведет к существенному падению качества образования в сельской местности, входящей в Арктическую зону РФ на территории Республики Саха (Якутия) и усилит разрыв в доступе молодежи к профессиональному образованию.

Заключение Образовательная политика в отношении коренных малочисленных народов Севера сосредоточена на вопросах их этнокультурного развития, а социально-бытовые аспекты организации обучения остаются практически без внимания, что существенным образом сказывается на благополучии и возможностях социальной мобильности населения.

При формальном внимании органов власти к образованию коренных малочисленных народов Севера с фокусом на сохранении этнокультурной идентичности социально-экономическое неравенство между сельчанами и горожанами на уровне региона будет нарастать, следует ожидать снижения уровня квалифи-

кации населения из числа КМНС в сельской местности и роста численности групп, зависимых от социальных трансфертов. Важным явлением в сфере образования республики стали процессы центростремительной миграции: с 2001 до 2018 г. численность учащихся в учреждениях образования сельской местности сократилась на 23%, тогда как в Якутске увеличилась на 27%. Таким образом, для учеников из числа КМНС в сельской местности сокращаются возможности поступления в вузы. Школьники под давлением указанных обстоятельств корректируют свои намерения в отношении образовательной и профессиональной карьеры, понижая запрос на образование. Среди школьников из числа КМНС в настоящее время ориентация на получение среднего профессионального образования значительно сильнее, чем среди 20–40-летних.

Статья подготовлена в рамках госзадания ФИЦ «ЯНЦ СО РАН». Тема: «Республика Саха (Якутия) и большие вызовы: социальное самочувствие, мобильность и стратегии адаптации», регистрационный номер: 121031300008–7. Социологический опрос проведен при финансовой поддержке гранта «Ресурсы идентичности, языка и культуры коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия): современное состояние, локальный и глобальный контекст трансформаций» в рамках ПФИ «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление российской идентичности» во исполнение поручения Президента РФ от 16 января 2020 г. Пр-71, п. 6.

Работа опубликована при поддержке Программы университетского партнерства НИУ ВШЭ.

Литература

1. Балибар Э., Валлерстайн И. (2004) Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос.
2. Боргояков С. А. (2016) Молодежь малочисленных народов Севера: образование и выбор профессии // Профессиональное образование. Столица. № 10. С. 27–32.
3. Борисов М. П. (1998) Модель национальной школы-гимназии как инновационного образовательного учреждения в Республике Саха (Якутия): дис. ... канд. пед. наук. СПб.: Институт образования взрослых РАН.
4. Бурдые П., Пассрон Ж.-К. (2007) Воспроизводство: элементы теории системы образования. М.: Просвещение.
5. Васильева О. В. (2020) Этничность и общество в Республике Саха (Якутия): социологический анализ. Якутск: ИГИИПМНС СО РАН.
6. Винокурова У. А. (2020) Парадигма арктического образования // Вестник Арктического государственного института искусств и культуры. № 1 (11). С. 41.
7. Гаврильева Т. Н., Набережная А. Т., Иванова М. А., Никифоров Ф. В. (2019) Факторы бедности в Республике Саха (Якутия) // Уровень жизни населения регионов России. № 1 (211). С. 38–47. doi:10.24411/1999-9836-2019-10052
8. Дробужева Л. М. (ред.) (2002) Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. М.: Academia.
9. Жожиков А. В. (2017) Образование, культурная самобытность и национальная идентичность коренных малочисленных народов Севера, Си-

- бири и Дальнего Востока в условиях кочевого образа жизни и глобализации // *Этнодиалоги*. № 3 (54). С. 58–66.
10. Заир-Бек С.И., Мерцалова Т.А., Анчиков К.М. (2020) Портрет российской сельской школы. М.: НИУ ВШЭ.
 11. Ибрагимов З.Ф., Франц М.В. (2021) Неравенство возможностей в образовании в советский и постсоветский периоды: эмпирический анализ // *Вопросы образования / Educational Studies Moscow*. № 2. С. 43–62. doi:10.17323/1814-9545-2021-2-43-62
 12. Игнатьева В.Б. (ред.) (2020) Этносоциальные процессы в Якутии: современный ракурс и перспективы развития. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН. http://igi.ysn.ru/files/publicasii/etnosoc_processsi_v_yakutii.pdf
 13. Ключарев Г.А., Диденко Д.В., Латов Ю.В., Латова Н.В. (2014) Непрерывное образование — стимул человеческого развития и фактор социально-экономических неравенств. М.: Институт социологии РАН.
 14. Кондратенко В.А., Кирюшина М.А., М.Б. Богданов М.Б. (2020) Образовательные притязания российских школьников: факторы и возрастная динамика. М.: НИУ ВШЭ.
 15. Константиновский Д.Л. (2020) Исследования барьеров в образовании: традиции и развитие // *Образование и наука в России: состояние и потенциал развития*. Вып. 5. С. 214–218. doi:10.19181/obrnauku.2020.10
 16. Любимова Е.А., Семенов М.Ю. (2017) Этнорегиональное образование: институциональный подход // *Siberian Socium*. Т. 1. № 2. С. 97–106. doi:10.21684/2587-8484-2017-1-2-97-106
 17. Малахов В.С. (2007) Понаехали тут: очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение.
 18. Мальцева В.А., Шабалин А.И. (2021) Не-обходной маневр, или Бум спроса на среднее профессиональное образование в России // *Вопросы образования / Educational Studies Moscow*. № 2. С. 10–42. doi:10.17323/1814-9545-2021-2-10-42
 19. Маркин В.В., Силин А.Н., Воронов В.В. (2019) Образовательные траектории молодежи коренных малочисленных народов Севера: социально-пространственный дискурс // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 12. № 5. С. 141–154. doi:10.15838/esc.2019.5.65.9
 20. Мартынова М.Ю. (2012) Школьное образование как ресурс культурной и национальной идентичности // В.А. Тишков, В.В. Степанов (ред.) *Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2011 г. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов*. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. С. 236–242.
 21. Матис В.И. (1999) Теория и практика развития национальной школы в поликультурном обществе: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Барнаул: Барнаульский государственный педагогический университет.
 22. Неустроев Н.Д. (1999) Национально-региональная система образования Республики Саха (Якутия) в условиях нового педагогического мышления. Якутск: Сахаполиграфиздат.
 23. Пименова Н.Н. (2012) Проблемы образования детей коренных малочисленных народов Сибири и Севера в Красноярском крае // *Инновации в непрерывном образовании*. № 5 (5). С. 012–018.
 24. Попова О.В. (2020) Оценка перспектив сокращения бедности в Республике Саха (Якутия) // *Общество: политика, экономика, право*. № 2. С. 61–67.
 25. Роббек В.А. (2011) Устойчивое развитие народов Севера России. Фундаментальные и прикладные исследования. Новосибирск: Наука.
 26. Роббек В.А. (1995) Эвенская национальная школа: концепция. Якутск: Северовед.
 27. Рудаков В.А. (2021) Этнокультурное образование КМНС в Югре: результаты социологического исследования // *Этнокультурное пространство*

- Югры: опыт реализации проектов и перспективы развития. Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Ханты-Мансийск, 28–29 марта 2021 г.). Ханты-Мансийск: Печатный мир. С. 81–85.
28. Соколовский С. В. (2008) Коренные народы: между интеграцией и сохранением культур // Е. И. Филиппова (ред.) Этнические категории и статистика: дебаты в России и во Франции. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. С. 49–70.
 29. Тенишева К. А., Александров Д. А. (2016) Неравенство в образовательных успехах в российской школе: класс, гендер, этничность // Социология образования. № 1. С. 64–74.
 30. Тишков В. А. (2003) Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука.
 31. Ярошенко С. (2010) «Новая бедность» в России после социализма // Laboratorium. № 2. С. 221–251.
 32. Brayboy B. M. J., Gough H. R., Leonard B., Roehl R. F. II, Solyom J. A. (2012) Reclaiming Scholarship: Critical Indigenous Research Methodologies // S. D. Lapan, M. T. Quartaroli, F. J. Riemer (eds) Qualitative Research: An Introduction to Methods and Designs. San Francisco: Jossey-Bass. P. 423–450.
 33. Gillborn D. (1995) Racism and Antiracism in Real Schools: Theory, Policy, Practice. Philadelphia: Open University.
 34. Maskin E. (2015) Why Haven't Global Markets Reduced Inequality in Emerging Economies? // The World Bank Economic Review. Vol. 29. Supplement 1. P. S48–S52. doi:10.1093/wber/lhv013
 35. Mickelson R. A. (2003) When Are Racial Disparities in Education the Result of Racial Discrimination? A Social Science Perspective // Teachers College Record. Vol. 105. No 6. P. 1052–1086. doi:10.1111/1467-9620.00277
 36. Troyna B., Rizvi F. (1997) Racialisation of Difference and the Cultural Politics of Teaching // B. J. Biddle, Th. L. GoodIvor, F. Goodson (eds) International Handbook of Teachers and Teaching. Dordrecht: Springer Science+Business Media. P. 237–265.

References

- Balibar E., Wallerstein I. (2004) *Rasa, natsiya, klass. Dvumyslennye identichnosti* [Race, Nation, Classe. Les Identites Ambigues]. Moscow: Logos.
- Borgoyakov S. A. (2016) Molodyozh malochislennykh narodov Severa: obrazovanie i vybor profesii [Youth of Minorities of the North: Education and Career Choice]. *Professional'noe obrazovanie. Stolitsa*, no 10, pp. 27–32.
- Borisov M. P. (1998) *Model' natsional'noy shkoly-gimnazii kak innovatsionnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya v Respublike Sakha (Yakutiya)* [The Model of the National Gymnasium School as an Innovative Educational Institution in the Republic of Sakha (Yakutia)] (PhD Thesis). Saint Petersburg: Institute of Adult Education of the RAS.
- Bourdieu P., Passeron J.-C. (2007) *Vosproizvodstvo: element teorii sistemy obrazovaniya* [Reproduction: Elements of the Theory of the Education System]. Moscow: Prosveshchenie.
- Brayboy B. M. J., Gough H. R., Leonard B., Roehl R. F. II, Solyom J. A. (2012) Reclaiming Scholarship: Critical Indigenous Research Methodologies. *Qualitative Research: An Introduction to Methods and Designs* (eds S. D. Lapan, M. T. Quartaroli, F. J. Riemer), San Francisco: Jossey-Bass, pp. 423–450.
- Drobizheva L. M. (ed.) (2002) *Sotsial'noe neravenstvo etnicheskikh grupp: predstavleniya i real'nost'* [Social Inequality of Ethnic Groups: Perceptions and Reality]. Moscow: Academia.
- Gavril'yeva T. N., Naberezhnaya A. T., Ivanova M. A., Nikiforov F. V. (2019) Faktory bednosti v Respublike Sakha (Yakutiya) [Poverty Factors in the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, no 1 (211), pp. 38–47. doi:10.24411/1999-9836-2019-10052

- Gillborn D. (1995) *Racism and Antiracism in Real Schools: Theory, Policy, Practice*. Philadelphia: Open University.
- Ibragimova Z. F., Frants M. V. (2021) Neravenstvo vozmozhnostey v obrazovanii v sovetskiy i postsovetskiy periody: empiricheskiy analiz [Inequality of Educational Opportunity in Soviet and Post-Soviet Russia: An Empirical Analysis]. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 2, pp. 43–62.
- Ignatyeva V. B. (ed.) (2020) *Etnosotsial'nye protsessy v Yakutii: sovremennyye rakursy i perspektivy razvitiya* [Ethnosocial Processes in Yakutia: Modern Perspective and Development Prospects]. Yakutsk: The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North. Available at: http://igi.ysn.ru/files/publicasii/etnosoc_processi_v_yakutii.pdf (accessed 20 August 2021).
- Kliucharev G. A., Didenko D. V., Latov Iu. V., Latova N. V. (2014) *Nepriyemlye obrazovanie — stimul chelovecheskogo razvitiya i faktor sotsial'no-ekonomicheskikh neravenstv* [Continuing Education as a Stimulus for Human Development and a Factor of Socio-Economic Inequalities]. Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences.
- Kondratenko V. A., Kiryushina M. A., Bogdanov M. B. (2020) *Obrazovatel'nye prityazaniya rossiyskikh shkol'nikov: faktor i vozrastnaya dinamika* [Educational Aspirations of Russian Schoolchildren: Factors and Dynamics]. Moscow: HSE.
- Konstantinovskiy D. L. (2020) Issledovaniya bar'erov v obrazovanii: traditsii i razvitiye [Research on Barriers to Education: Tradition and Development]. *Education and Science in Russia: Status and Development Potential*, iss. 5, pp. 214–218. doi:10.19181/obrnauku.2020.10
- Lyubimova E. A., Semenov M. Yu. (2017) Etnoregional'noe obrazovanie: institucional'nyy podkhod [Ethnoregional Education: Institutional Approach]. *Siberian Socium*, vol. 1, no 2, pp. 97–106. doi:10.21684/2587-8484-2017-1-2-97-106
- Malakhov V. S. (2007) *Ponaekhali tut: ocherki o natsionalizme, rasizme i kul'turnom pluralizme* [Let's Go Here: Essays on Nationalism, Racism and Cultural Pluralism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Maltseva V. A., Shabalin A. I. (2021) Ne-obkhodnoy manevr, ili Bum sprosa na srednee professional'noe obrazovanie v Rossii [The Non-Bypass Trajectory, or The Boom in Demand for TVET in Russia]. *Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow*, no 2, pp. 10–42. doi:10.17323/1814-9545-2021-2-10-42
- Markin V. V., Silin A. N., Voronov V. V. (2019) Obrazovatel'nye traektorii molodyozhi korenykh malochislennykh narodov Severa: sotsial'no-prostranstvennyy diskurs [Educational Opportunities for Young People of Indigenous Minorities of the North: Social and Spatial Discourse]. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 12, no 5, pp. 141–154. doi:10.15838/esc.2019.5.65.9
- Martynova M. Yu. (2012) Shkol'noe obrazovanie kak resurs kul'turnoy i natsional'noy identichnosti [School Education as a Resource of Cultural and National Identity]. *Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii i sopredel'nykh stranakh v 2011 g. Ezhegodnyy doklad Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov* [The Ethnopolitical Situation in Russia and Neighboring Countries in 2011. Annual Report of the Network for Ethnological Monitoring and Early Warning of Conflicts] (eds V. A. Tishkov, V. V. Stepanov), Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS, pp. 236–242.
- Maskin E. (2015) Why Haven't Global Markets Reduced Inequality in Emerging Economies? *The World Bank Economic Review*, vol. 29, Supplement 1, pp. S48–S52. doi:10.1093/wber/lhv013
- Matis V. I. (1999) *Teoriya i praktika razvitiya natsional'noy shkoly v polikul'turnom obshchestve* [Theory and Practice of the Development of the National School in a Multicultural Society] (PhD Thesis). Barnaul: Barnaul State Pedagogical University.
- Mickelson R. A. (2003) When Are Racial Disparities in Education the Result of Racial Discrimination? A Social Science Perspective. *Teachers College Record*, vol. 105, no 6, pp. 1052–1086. doi:10.1111/1467-9620.00277

- Neustroev N. D. (1999) *Natsional'no-regional'naya sistema obrazovaniya Respubliki Sakha (Yakutiya) v usloviyakh novogo pedagogicheskogo myshleniya* [The National-Regional Education System of the Republic of Sakha (Yakutia) in the Context of a New Pedagogical Thinking]. Yakutsk: Sakhapoligrafizdat.
- Pimenova N. N. (2012) Problemy obrazovaniya detey korennykh malochislennykh narodov Sibiri i Severa v Krasnoyarskom krae [Educational Problems of Children of Indigenous Peoples of Siberia and North of the Krasnoyarsk Region]. *Innovatsii v nepreryvnom obrazovanii*, no 5 (5), pp. 012–018.
- Popova O. V. (2020) Otsenka perspektiv sokrashcheniya bednosti v Respublike Sakha (Yakutiya) [Estimation of Prospects for Poverty Reduction in the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Society: Politics, Economics, Law*, no 2, pp. 61–67.
- Robbek V. A. (2011) *Ustoychivoe razvitie narodov Severa Rossii. Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya* [Sustainable Development of the Peoples of the North of Russia. Basic and Applied Research]. Novosibirsk: Nauka.
- Robbek V. A. (1995) *Evenskaya natsional'naya shkola: kontseptsiya* [Even National School: Concept]. Yakutsk: Severoved.
- Rudakov V. A. (2021) Etnokul'turnoe obrazovanie KMNS v Yugre: rezul'taty sotsiologicheskogo issledovaniya [Ethnocultural Education of the Indigenous Minorities of the North in Ugra: Results of a Sociological Study]. Proceedings of the *Interregional Scientific and Practical Conference "The Ethnocultural Space of Ugra: Experience in Project Implementation and Development Prospects"* (Khanty-Mansiysk, March 28–29, 2021), Khanty-Mansiysk: Pechatny mir, pp. 81–85.
- Sokolovsky S. V. (2008) Korennye narody: mezhdru integratsiyey i sokhraneniem kul'tur [Indigenous Peoples: Between Integration and Cultural Preservation]. *Etnicheskie kategorii i statistika: debaty v Rossii i vo Frantsii* [Ethnic Categories and Statistics: Debates in Russia and France] (ed. E. I. Filippova), Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS, pp. 49–70.
- Tenisheva K. A., Alexandrov D. A. (2016) Neravenstvo v obrazovatel'nykh uspekakh v rossiyskoy shkole: klass, gender, etnichnost' [Inequality of Educational Achievement in Russian Schools: Class, Gender, Ethnicity]. *Sotsiologiya obrazovaniya*, no 1, pp. 64–74.
- Tishkov V. A. (2003) *Rekviem po etnosu: Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [Requiem for Ethnos: Studies in Socio-cultural Anthropology]. Moscow: Nauka.
- Troyna B., Rizvi F. (1997) Racialisation of Difference and the Cultural Politics of Teaching. *International Handbook of Teachers and Teaching* (eds B. J. Biddle, Th. L. GoodIvor, F. Goodson), Dordrecht: Springer Science+Business Media, pp. 237–265.
- Vasilyeva O. V. (2020) *Etnichnost' i obshchestvo v Respublike Sakha (Yakutiya)* [Ethnicity and Society in the Republic of Sakha (Yakutia): Sociological Analysis]. Yakutsk: The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North.
- Vinokurova U. A. (2020) Paradigma arkticheskogo obrazovaniya [Paradigm of Arctic Education]. *Bulletin of Arctic State Institute of Culture and Arts*, no 1 (11), p. 41.
- Yaroshenko S. (2010) "Novaya bednost'" v Rossii posle sotsializma [The "New poverty" in Russia after Socialism]. *Laboratorium*, no 2, pp. 221–251.
- Zair-Bek S. I., Mertsalova T. A., Anchikov K. M. (2020) *Portret rossiyskoy sredney shkoly* [Portrait of a Russian Rural School]. Moscow: HSE.
- Zhozhikov A. V. (2017) Obrazovanie, kul'turnaya samobytnost' i natsional'naya identichnost' korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka v usloviyakh kochevogo obraza zhizni i globalizatsii [The Influence of a Nomadic Lifestyle and Globalization on Education, Cultural and National Identity of Indigenous Minorities of the North, Siberia and the Far East]. *Etnodialogi*, no 3 (54), pp. 58–66.